

таго Духа: нѣтъ у нихъ ни угодниковъ Божіихъ, ни мошей святыхъ, что и по *Кирилловой книгѣ*, непременно должно быть въ правосл. церкви (см. лист. 505 и на обор.) *). Но довольно; печатная утѣка видна; однако можно ли такъ злоупотреблять печатью? Рѣшится ли человекъ, мало-мальски понимающій, съ какою осторожностію говорить о *православныхъ* угодникахъ Божіихъ и *дѣйствительныхъ* чудесахъ, — эксплуатировать такимъ образомъ религиозное чувство читателей «Русск. Вѣдомостей?»

Р. С. Въ Гуслицяхъ три священника; старшій изъ нихъ, о. Димитрій, состоитъ *благочиннымъ*; позволяемъ себѣ надѣяться, что онъ откликнется на нашу замѣтку и въ интересахъ истины сообщитъ редакціи «Моск. Церк. Вѣд.», есть ли хоть что нибудь основательное въ упомянутой корреспонденціи изъ *Гуслицъ* о старообрядческомъ угодникѣ Леонтіи?

Православный.

ПРОТОІЕРЕЙ ЕВѢИМІЙ МИХАЙЛОВИЧЪ АЛЕКСИНСКІЙ.

Неврологъ.

Искреннею и глубокою скорбію поражены были родные и знакомые, правда, давно ожидаемой, кончиною незабвеннаго для всѣхъ, его близко знавшихъ, протоіерея Евѣимія Михайловича Алексинскаго. 12 іюля, послѣ продолжительной болѣзни, въ 11 часовъ, 54 минуты, на 68 году своей жизни, онъ тихо скончался на рукахъ дѣтей. Кончина была по истиннѣ христіанская, непостыдная, мирная. Душа усопшаго отлетѣла къ Богу, предочищенная болѣзнію, продолжавшеюся около двухъ лѣтъ. Давно уже обнаруживалась у него слабость въ ногахъ; полтора года тому назадъ Евѣимій Михайловичъ не могъ ходить безъ посторонней помощи; съ 13 мая нынѣшняго года отнялся у него языкъ; но до самой кончины почившій не терялъ сознанія, такъ не задолго до смерти, когда приобщавшій его священникъ сказалъ «причащается рабъ Божій протоіерей Евѣимій», онъ самъ усленно открылъ ротъ.

Вмѣстѣ съ Е. Михайловичемъ сошелъ въ могилу одинъ изъ тѣхъ сильныхъ духомъ и тѣломъ людей стараго закала, которые и при большомъ умѣ и разносторонней даровитости отличаются особаго рода добросовѣстной дѣльностью, безкорыстіемъ и душевнѣю добротою.

Е. М. Алексинскій родился 18 декабря 1813 года во Владимирской губерніи. Онъ сынъ протоіерея села Алексина (откуда и фамилія покойнаго). По окончаніи курса во Владимирской семинаріи, двадцатилѣтній юноша Алексинскій, первый ея студентъ, посланъ былъ въ Московскую духовную Академію, для продолженія образованія (XI курсъ 1834—1838). Въ академіи было чему тогда поучиться. Въ это время были тамъ Филаретъ, Гумилевскій, Голубинскій, Делицынъ, и начиналъ свою дѣятельность Горскій; академія вообще находилась въ періодѣ процвѣтанія. По окончаніи курса въ академіи десятимъ по списку магистромъ **)

*) Подобная бесѣда съ старообрядцами ведена была тѣмъ же лицомъ со стороны православныхъ и въ семь году, 24 іюня въ селѣ Конобѣевѣ, что недалеко отъ Гуслицъ; но и здѣсь, какъ намъ извѣстно, никто изъ старообрядцевъ не сказалъ ни слова о какомъ-либо гуслицкомъ угодникѣ, ни о пескѣ, ни о водѣ... а сказать было кому и было время. Конобѣевская бесѣда была на дворѣ (при домѣ к. Матвѣя Васильевича) среди многочисленныхъ слушателей изъ разныхъ сосѣднихъ деревень и продолжалась отъ 3 до 8 часовъ вечера.

**) Это мѣсто Е. М. занялъ, какъ говорятъ не по вниманію къ его дарованіямъ, а по другимъ причинамъ. Настоящее его мѣсто должно быть много выше.

сій, епископъ Медиоланскій напечатано въ Правосл. Обзорѣніи 1861) Алексинскій опредѣленъ былъ преподавателемъ философіи и словесности въ Псковскую семинарію.

Особенная и разносторонняя даровитость его, обнаруженная имъ въ академіи, выразилась въ особенности въ его преподавательской дѣятельности. Въ теченіе своей тридцатилѣтней профессорской службы Алексинскій съ равнымъ успѣхомъ преподавалъ самыя разнообразныя науки — и свѣтскія и духовныя, при чемъ въ одно и тоже время умѣлъ занимать кафедры по предметамъ разнороднымъ и не имѣющимъ между собою отношенія. — Академическое начальство, зная конечно скудость образовательныхъ средствъ въ провинціи и всегда желая дать особенно даровитымъ личностямъ возможность научныхъ занятій въ столицѣ, не долго держало Алексинскаго въ Псковѣ, и спустя годъ по поступленіи его туда, перевелъ его въ Москву. Алексинскій долженъ былъ преподавать здѣсь математику, физику, библейскую исторію и нѣмецкій языкъ. Эти науки преподавалъ онъ только одинъ годъ. Въ 1840 году ему опять поручено было преподаваніе тѣхъ наукъ, которыя преподавалъ онъ и въ Псковѣ, — логики и психологіи съ присоединеніемъ латинскаго языка. Спустя еще годъ къ этимъ предметамъ присоединенъ былъ и еврейскій языкъ. До сихъ поръ Алексинскій, какъ преподаватель является передъ нами, какъ философъ и лингвистъ. Но большая часть его преподавательской дѣятельности посвящена была Богословію въ самыхъ разнообразныхъ видахъ. Можно сказать, кажется, что ему не остался чуждымъ ни одинъ Богословскій предметъ изъ преподаваемыхъ въ семинаріи. Въ 1844 году 25 декабря, профессоръ Алексинскій поставленъ былъ митрополитомъ во священника къ церкви св. Николая, при Московской семинаріи (семинарія, какъ извѣстно, до 1844 года помѣщалась въ Заиконоспасскомъ монастырѣ, а въ этомъ году она переведена въ домъ графа Остермана, теперешнее ея помѣщеніе. Такимъ образомъ Алексинскій былъ первымъ священникомъ семинарской церкви). Такъ какъ по тогдашнимъ возрѣніямъ не считалось удобнымъ, чтобы священникъ преподавалъ свѣтскіе предметы, то преподаваніе философіи оставлено за священникомъ Алексинскимъ только до конца 1844—45 академическаго года. Съ началомъ слѣдующаго онъ переведенъ былъ на должность помощника ректора по учебной части и сталъ преподавать правоучительное Богословіе, ученіе о вѣроисповѣданіяхъ и ученіе объ обязанностяхъ пресвитеровъ. Съ этихъ то поръ начинается то тайное, огромное вліяніе Алексинскаго на ту часть духовенства Москвы и московской епархіи, которое вышло изъ Московской семинаріи. Это его вліяніе, какъ увидимъ ниже, само оно ясно сознаеть. Въ теченіе почти четверти столѣтія (23 г.) въ рукахъ Алексинскаго находилось специальное воспитаніе и первоначальное руководство лицъ, имѣющихъ заплать священнослужительскія должности, такъ что онъ былъ пастырь будущихъ пастырей. Спустя два года (1846 г.) Алексинскому было поручено преподаваніе и гомиетики или науки о церковномъ проповѣдничествѣ, а позднѣе (1854 г.) и ученіе о расколѣ. Такимъ образомъ митрополитъ Филаретъ отдалъ въ руки Алексинскаго самыя дорогія для него науки, именно тѣ, которыя должны образовывать пастырей для его паствы. Память о немъ среди пастырей Московской церкви, вышедшихъ изъ Московской семинаріи не можетъ умереть; а помнить его будутъ многіе. Если считать, что въ теченіе 23 лѣтъ онъ выпускалъ черезъ

минимумъ, а только половина дѣйствительнаго числа) священниковъ и дьяконовъ, то число воспитанныхъ имъ священниковъ и дьяконовъ будетъ 550. — Протоіерей Евѳимій Михайловичъ, уже обремененный семействомъ, на столько преданъ былъ семинаріи и на столько былъ безкорыстенъ, благороденъ и честенъ, что не покидалъ скудной въ матеріальномъ отношеніи семинарской должности, на которой онъ былъ такъ нуженъ, и не оборачивалъ къ ней тылъ при открывавшихся богатыхъ мѣстахъ, на которыя имѣлъ онъ полнѣйшее право. Это уже не простое безкорыстіе, не простая любовь къ семинаріи, а самоотверженная. — Послѣ этого отступленія продолжилъ рѣчь о тѣхъ предметахъ, которые преподавалъ Е. М. За отсутствіемъ ректора (1857) Е. М. временно читалъ догматическое Богословіе. Съ 1861 года преподавалъ церковную археологію; съ 1868 литургику и греческій языкъ. И такъ въ теченіе 30 лѣтъ Евѳимій Михайловичъ преподавалъ въ разныхъ классахъ 17 различныхъ наукъ. Большая часть изъ нихъ изъ области Богословія и именно практическаго; затѣмъ слѣдуетъ языковѣдніе (онъ и въ дѣйствительности былъ замѣчательный знатокъ языковъ), далѣе философія и наконецъ словесность, математика и физика, которыя преподавалъ онъ одинъ только годъ. Можетъ ли кто нынѣ сдѣлать тоже? Какой же даровитый и какъ разносторонне образованный и дѣльный былъ человекъ Евѳимій Михайловичъ, что ничего у него не валилось изъ рукъ, на все онъ былъ способенъ.

Но это еще не очень важная вещь, если человекъ берется за преподаваніе многихъ предметовъ. Важно то, какъ онъ ихъ преподаетъ. Евѳимій Михайловичъ извѣстенъ былъ какъ необыкновенно искусный преподаватель. Онъ говорилъ логически стройно, ясно, понятно; въ тоже время рѣчь его отличалась живостію и одушевленіемъ простой дружеской бесѣды. Изъ формуляра Е. М. видно, что онъ въ разное время получалъ до 12 различныхъ наградъ не только за «усердную» но и за «полезную» службу. Начальство назначало его на всякій предметъ, зная, что онъ, что нужно, сдѣлаетъ. Въ обществѣ имя его (было такое время) «гремѣло» на ряду съ лучшими интеллигентными силами московскаго духовенства, между преподавателями онъ слылъ, какъ искусный и опытный. Ученики его высоко цѣнили и любили. Почти каждый курсъ дѣлалъ ему какіе нибудь, конечно, судя по ередствамъ дѣлавшихъ, не богатые подарки. Особенно ясно рисуется личность Евѳимія Михайловича и какъ преподавателя и какъ человека въ адресѣ и рѣчахъ, произнесенныхъ учениками при прощаньи съ нимъ въ то время, когда онъ долженъ былъ оставить службу при семинаріи (1868). Адресъ составленъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Ваше высокоблагословеніе! Евѳимій Михайловичъ! Движимые чувствомъ глубочайшей любви и признательности къ вамъ, нашему дорогому наставнику, и другу, за ваши совѣты и наставленія, за ваши заботы объ образованіи изъ насъ ревностныхъ и полезныхъ проповѣдниковъ слова Божія, мы — послѣдніе изъ вашихъ воспитанниковъ, отъ себя и отъ всѣхъ нашихъ предшественниковъ просимъ Ваше В-іе принять предлагаемое Вамъ, хотя оно, какъ и все вещественное, далеко не можетъ выразить нашихъ чувствъ». Мы знаемъ лицъ, писавшихъ адресъ и не сомнѣваемся въ совершенной ихъ искренности и правдивости.

Въ рѣчахъ учениковъ, при разставаніи съ Евѳиміемъ Михайловичемъ, мы имѣемъ свидѣтельство о такихъ же отношеніяхъ къ нему и предшественниковъ говорившихъ, ихъ отцовъ. Рѣчи до такой степени задушевные, искренни и горячіе, такъ

захватываютъ за живое, что нѣтъ никакой возможности видѣть въ нихъ что-нибудь официальное, или простое упражненіе въ ораторскомъ искусствѣ. Во всѣхъ нихъ онъ называется не просто наставникомъ, но пѣжными именами «друга» и «отца». Теперь при послѣднемъ разставаніи Е. М. можно привести на память эти рѣчи. Одинъ изъ учениковъ говорить: «съ тѣхъ поръ какъ мы узнали васъ, съ тѣхъ поръ какъ мы впервые увидели васъ, что то невольно влекло насъ къ вамъ и заставляло васъ съ нетерпѣніемъ ожидать того времени, когда мы будемъ вашими учениками. Вотъ намъ Богъ и привелъ слушать васъ и учиться у васъ. И что это было за ученіе, и что это было за отношеніе въ намъ наставника? Это были не формальныя, холодныя отношенія наставника къ учащимся, это были не сухіе принужденные уроки. Ваши классы переходили въ семейныя бесѣды: задушевность — вотъ главный характеръ вашихъ отношеній къ намъ! Вы всегда говорили съ нами живымъ, сердечнымъ словомъ; не какъ профессоръ приходили вы въ намъ, а какъ отецъ, какъ другъ... Съ такою охотою дѣлили вы съ нами свои знанія, съ какою отеческою заботливостію пеклись вы о томъ, чтобы прочитанное вами было понятно, нами усвоено! Какъ пѣжный другъ вы всегда заботились, чтобы ваша наука доставляла намъ интересъ; вы умѣли одушевить ее, оживить, вы умѣли доставить намъ удовольствіе вами читаемымъ. И мы съ восторгомъ произносили всегда между собою ваше имя, съ нимъ всегда соединялось у насъ представленіе о дорогомъ наставникѣ и отцѣ, добромъ другѣ. Съ каждою минутою мы сильнѣе и сильнѣе привязывались къ вамъ».

Другой, принося Е. М. благодарность отъ всѣхъ курсовъ выражается такъ: «Скажемъ вамъ благодарность отъ лица всѣхъ курсовъ вашихъ учениковъ за все то, что вы сдѣлали на пользу церкви и отечества въ продолженіи 30-ти лѣтней дѣятельности при семинаріи. Я говорю отъ всѣхъ курсовъ, потому что намъ извѣстны представители почти каждаго курса вашихъ воспитанниковъ и каждый изъ нихъ произноситъ ваше имя съ любовью и благоговѣніемъ. Благодаримъ мы васъ и отъ отцовъ нашихъ, изъ которыхъ многие и сами были вашими питомцами, а потому тѣмъ съ большею радостію поручали вамъ насъ дѣтей своихъ». Третій ораторъ между прочимъ говорить: «Вы были для учащихся въ семинаріи въ продолженіе слишкомъ 30 лѣтъ драгоценнымъ сокровищемъ, которымъ она пользовалась и которымъ она всегда по праву хвалилась и будетъ хвалиться. Ваше глубокое пониманіе науки и неподражаемое умѣнье передавать ее учащимся выше словъ! Такъ всегда понимала васъ семинарія, такъ васъ понималъ и преосвященнѣйшій митрополитъ Филаретъ! Это я узналъ изъ словъ моего отца, бывшаго вашего ученика, слышанныхъ имъ лично отъ одного изъ ректоровъ семинаріи. И въ семинаріи вы найдете тѣ же чувства глубокаго къ вамъ уваженія. Многие, бывшіе ваши воспитанники, нынѣ пастыри церкви, извѣстные высокимъ образованіемъ и благонравною жизнію, сохраняютъ и будутъ сохранять до гроба память о васъ, какъ о мудромъ наставникѣ и искреннемъ собесѣдникѣ. И мы, ваши питомцы, собравшись нынѣ проститься съ вами, сохранимъ въ душѣ своей глубокую признательность и искреннее уваженіе къ вамъ. По истинѣ счастливы тѣ, которымъ Богъ привелъ подъ вашимъ мудрымъ и опытнымъ руководствомъ пройти полный курсъ преподаваемыхъ вами Богословскихъ наукъ! Но и мы,

хотя не много находились подъ вашимъ руководствомъ, опытно убѣдились въ высокомъ вашемъ умѣ и всестороннемъ знаніи, о чемъ намъ сказывали и наши отцы. Мы сердечно чувствуемъ, сколь горячо вы любите науку и насъ, юношей. Вы не оставдали насъ и тогда, какъ уже вы получили горькую для насъ вѣсть оставить кафедру; ваше мощное слово и тогда продолжало оглашать классъ, имѣя единственно цѣлю нашу пользу: и мы съ восторгомъ васъ слушали и каждое слово ваше старались удержать въ памяти. Евѳимій Михайловичъ, вы были нашимъ наставникомъ и отцомъ въ семинаріи; просимъ васъ покорнѣе дозволите намъ, юнымъ и неопытнымъ питомцамъ вашимъ, прибѣгать къ вашей помощи, пользоваться вашими мудрыми наставленіями и совѣтами въ затруднительныхъ обстоятельствахъ нашей жизни. Еще разъ мы смѣемъ увѣрить васъ, дорогой нашъ наставникъ, что мы не перестанемъ сердечно любить и уважать васъ во всѣ дни нашей жизни и молить Господа, что бы ваша многоплодная дѣятельность, если уже не для насъ, то для другихъ продолжалась долгіе и долгіе годы. Четвертую рѣчь, принадлежавшую покойному П. М. Апостольскому, даровитому преемнику Е. М. по преподаваемымъ предметамъ, приводимъ здѣсь цѣликомъ: Евѳимій Михайловичъ! Радостно вступили мы въ этотъ классъ, узнавъ, что вы возвращаетесь на кафедру, которую прежде занимали съ честью. Мы надѣялись послушать вашихъ лекцій, о которыхъ много слышали хорошаго отъ своихъ предшественниковъ. Мы надѣялись, что подъ руководствомъ краснорѣчиваго проповѣдника, сами сдѣлаемся подобными. И лишь только наши надежды начали сбываться, лишь только мы успѣли узнать, и отъ души полюбить васъ, какъ насъ поразилъ грустный слухъ, что вы оставите насъ. Не хотѣлось вѣрить и дѣйствительно не вѣрили мы имъ, пока отъ васъ самихъ не услышали имъ подтвержденія. Болѣзненно отозвалось это извѣстіе въ нашихъ сердцахъ: — тотъ, котораго мы привыкли считать и называть своимъ, отнять у насъ. Осиротѣли мы! И еще тяжелѣе было это положеніе отъ того, что мы не знали, кто васъ замѣнитъ... Замѣнитъ?... Но развѣ васъ можетъ кто нибудь достойно замѣнить? Рѣдко можно встрѣчать то сочетание много—объемлющаго ума и простоты, — силы характера и снисходительности, какое, на счастье другихъ, удивляетъ въ васъ. Евѳимій Михайловичъ! Не мы, а многіе и многіе наши предшественники, даже отцы нѣкоторыхъ изъ насъ, бывшіе вашими учениками, согласно свидѣлствуютъ, что съ выхода изъ семинаріи и до сихъ поръ они сохраняютъ въ душѣ глубокую къ вамъ признательность и уваженіе. Впрочемъ, какъ возможно не уважать человека, высшее развитіе дѣятельности котораго было временемъ процвѣтанія этой семинаріи. Всякій знаетъ, что съ упадкомъ вашихъ силъ, — съ тѣхъ поръ, какъ лѣта и неразлучные съ ними недуги начали затруднять вашу полезную дѣятельность, начался постепенный упадокъ семинаріи въ общественномъ мнѣніи. Чѣмъ объяснить это, какъ не тѣмъ, что тотъ, кто съ равнымъ успѣхомъ трудился надъ преподаваніемъ математики и предметовъ Богословскихъ, наконецъ утомился? Но и въ самомъ утомленіи вы могли быть болѣе полезны для насъ, чѣмъ молодой, но незнакомый съ жизнью, не столь опытный и преданный, какъ вы, своему дѣлу. Не суждено должно было вамъ быть вашими питомцами. И вотъ! мы здѣсь, чтобы проститься съ вами. Тяжелое дѣло; и языкъ отказывается сказать: прощай! Благодарность, без-

предѣльная благодарность къ вамъ и грусть о разставаніи съ вами: вотъ чувства, которыя теперь наполняютъ наши сердца. Благодаримъ васъ, Евѳ. Мих., за все, что вы для насъ сдѣлали. Земной поклонъ и большое русское спасибо вамъ за то, что время, проведенное съ вами — было не классы, а дружеская, оживленная бесѣда! Благодаримъ васъ за то, что дни проведенные съ вами, будутъ для насъ всегда пріятнымъ воспоминаніемъ! Благодаримъ васъ за то, что вы въ краткій срокъ положили доброе начинаніе, и молимъ Бога, чтобы Онъ далъ намъ наставника, который умѣлъ бы съ успѣхомъ продолжать такъ счастливо начатое! Глубоко чувствуемъ ту потерю, которую несемъ не только мы, но и вся семинарія, съ вашимъ удаленіемъ! Отъ чистаго сердца желаемъ вамъ всего добраго на предстоящемъ вамъ новомъ поприщѣ! Увѣрены, что, какъ мы васъ никогда не забудемъ, такъ и вы вспомните о насъ — вашихъ послѣднихъ воспитанникахъ. Педагогическая дѣятельность протоіерея Алексинскаго началась тогда (1848), когда духовная школа переживала переходное время. Въ это время умирали въ семинаріи латынь, и на мѣсто ея брала своя живая русская рѣчь и русская мысль. Первые пионеры на этомъ поприщѣ должны были вырабатывать сами русскій научный языкъ. Алексинскому досталось преподавать философію, которую въ академіи Голубинскій читалъ на русскомъ языкѣ. Но въ семинаріяхъ вездѣ царилъ Баумейстеръ, на латинскомъ языкѣ; во Псковѣ и на иностранныхъ языкахъ по философіи ничего найти было нельзя. Поэтому и Алексинскій оставилъ учебникомъ для семинаристовъ Баумейстера, хотя самъ въ классѣ знакомилъ уже учениковъ съ Кантомъ, котораго такъ любилъ Голубинскій. Въ послѣдующее время, когда онъ былъ въ Москвѣ, онъ имѣлъ разумѣется болѣе средствъ къ своимъ учебнымъ занятіямъ, но все же нужно согласиться, что составленіе русскихъ уроковъ по тѣмъ предметамъ, которые прежде преподавались по латыни, требовало особеннаго таланта и труда. На службѣ при семинаріяхъ (Псковской и Московской) Алексинскій занималъ и другія должности. Во Псковѣ онъ былъ бібліотекаремъ, въ Москвѣ нѣсколько разъ исправлялъ должность ректора и былъ также бібліотекаремъ. Педагогическая его дѣятельность не ограничивалась въ Москвѣ одною семинаріею. Извѣстно, что митрополитъ Фидаретъ, ко времени коего относится цвѣтушій періодъ дѣятельности протоіерея Алексинскаго, придавалъ большое значеніе ревизіямъ во время экзаменовъ учениковъ, извѣстно, какъ внимательно относился онъ къ экзаменамъ самъ. Поэтому же онъ былъ очень разборчивъ, когда посылалъ ревизоровъ въ тѣ учебныя заведенія, въ которыхъ самъ быть не могъ, — онъ посылалъ туда людей, особенно извѣстныхъ своими педагогическими способностями. Такимъ лицомъ онъ считалъ, между прочимъ, и Алексинскаго. Начиная съ 1842 года и по 1864 почти не проходило года, чтобы онъ не былъ назначаемъ ревизоромъ въ училища Московской епархіи: перервинское, коломенское, законоисправское. На сколько эти ревизіи были удовлетворительны, видно, изъ того, что семинарское правленіе почти послѣ каждой ревизіи выражало ему свою благодарность. Эта благодарность не могла быть только официальною, потому что въ прежнее время сама семинарія не производила экзаменовъ поступающимъ въ нее ученикамъ училищъ, а все это дѣло поручалось ревизору. Правленіе ни какъ не могло бы благодарить Алексинскаго, если бы онъ набиралъ въ составъ младшаго класса семинаріи учениковъ

бездарныхъ, съ которыми въ послѣдствіи наставникамъ семинаріи нужно было имѣть дѣло. Покойный протоіерей Алексинскій былъ человѣкъ чрезвычайно любознательный, и эта любознательность не ограничивалась кругомъ предметовъ, имъ преподаваемыхъ. Онъ чрезвычайно много читалъ и его рѣдко можно было встрѣтить безъ книги. Уже оставивъ педагогическую дѣятельность и поступивъ въ Таганскій приходъ, онъ не представлялъ изъ себя того типа приходскаго іерея, который, за исключеніемъ узаконенной проповѣди и писемъ ничего больше не пишетъ; который чтеніе свое ограничиваетъ бѣглымъ просмотромъ газетки и можетъ бесѣдовать почти исключительно о томъ, кто когда и куда поступилъ или перешелъ на мѣсто, сколько гдѣ приходитъ дохода и т. д. Онъ интересовался всякимъ новымъ явленіемъ и въ богословской и въ свѣтской литературѣ и самъ пріобрѣталъ особенно поправившіяся ему книги. Изъ журналовъ онъ въ послѣднее время любилъ читать «Русскую Старину». Свидѣтельствомъ его разнообразной любознательности служитъ его библиотека. Въ слѣдствіе тѣсноты протоіерейской квартиры она должна была быть перенесена въ сарай, разумѣется тамъ книги перепутались, а въ слѣдствіе этого и трудно сразу составить себѣ понятіе объ ея составѣ. Но мы замѣтили, что въ ней есть книги по гражданской исторіи (ее протоіерей не преподавалъ), много по церковной; отеческія творенія и изслѣдованія о нихъ, книги по предмету ученія о расколѣ, о вѣроисповѣданіяхъ, изящная литература—старая и новая, большое количество отдѣльных оттисковъ Филаретовскихъ проповѣдей. Книги, составляющія библиотеку, написаны на русскомъ (много книгъ XVII, столѣтія), греческомъ, латинскомъ, нѣмецкомъ и французскомъ языкахъ. Есть книги по еврейской филологіи. На многихъ книгахъ есть собственноручныя замѣтки протоіерея. Какъ человѣкъ живой, самъ всѣмъ интересующійся, много знавшій, много читавшій и испытывшій, протоіерей Алексинскій бесѣдою своею производилъ чрезвычайно хорошее впечатлѣніе. Передъ вами сидѣлъ и съ вами разговаривалъ человѣкъ, съ широкимъ взглядомъ на вещи, съ широкими интересами, чуждый всякой исключительности и той узости воззрѣній и интересовъ, которыми къ сожалѣнію отличается большинство нашего духовенства. Къ этому нужно присоединить еще полное отсутствіе старческой заносчивости и особаго рода гордости старыхъ педагоговъ, которые на рѣчи молодыхъ людей смотрятъ или съ высоко или съ снисходительною улыбкою. Алексинскій всякаго своего собесѣдника, будь онъ хотя и очень юнъ, ставилъ на равную съ собою ногу и никогда не стремился занять положенія авторитетнаго ментора. За это чрезвычайно любила его молодежь. Въ немъ до послѣдняго времени осталось очень много молодого: и это его безкорыстіе, и малая заботливость о сколачиваніи копѣйки, независимость, широта воззрѣній и интересовъ, сочувствіе молодежи даже въ ея играхъ, забавахъ и пр. и пр. Живая, юная душа жила и во старцѣ.

Рукописи, оставшіяся послѣ протоіерея Алексинскаго должны бы быть очень многочисленны. Онъ преподавалъ множество предметовъ и по большей ихъ части составлялъ классныя записки для учениковъ. Мы видѣли такія его записки только по предмету ученія о вѣроисповѣданіяхъ и о расколѣ, видѣли нѣсколько конспектовъ, имъ составленныхъ (по математикѣ, гомилетикѣ). Другія рукописи представляютъ его сочиненія писанныя имъ еще во Владимірской семинаріи.

Такъ мы читали его большое семинарское сочиненіе «о помпировеніи усопшихъ», написанное совершенно въ старомъ семинарскомъ схоластическомъ духѣ, съ дѣленіями, подраздѣленіями, о конструкціи предложеній и длинныхъ періодовъ, съ синонимами и эпитетами, иногда совсѣмъ не нужными, оно напоминаетъ схоластическую латынь. Въ академіи Алексинскій освобождается отъ господства надъ нимъ схоластики и латыни. Сочиненіе, писанное въ академіи «о происхожденіи идеи безконечнаго» имѣетъ уже слабыя слѣды схоластицизма. Между академическими его работами выдается сочиненіе «Философія русскихъ пословицъ». Мы недостаточно еще ознакомились съ этимъ его трудомъ. Но по содержанію своему, насколько могли мы замѣтить, оно имѣетъ цѣлю дать опытъ изображенія религіозныхъ, нравственныхъ и другихъ воззрѣній нашего народа на основаніи его пословицъ. О магистерской его диссертациі мы уже упоминали. Между рукописями находится много проповѣдей, произнесенныхъ имъ въ разное время. Алексинскій въ свое время считался хорошимъ и краснорѣчивымъ ораторомъ. Многія изъ проповѣдей читалъ митрополитъ Филаретъ, многія произносились въ его присутствіи: Филаретъ часто ихъ одобрялъ. По своему пошибу проповѣди тяготеютъ къ Филаретовскимъ. Особаго рода превыспренность мысли и языка и искусственный фигурализмъ фразы, въ ущербъ простотѣ и естественности теченія рѣчи, характеризующіе Филаретовскія проповѣди видны и здѣсь. При семъ проповѣди сохраняютъ и достоинство Филаретовскихъ: точность, сжатость языка, глубину богословскаго созерцанія. Съ 1868 года Е. М. былъ переведенъ въ Таганскій Воскресенскій приходъ. Съ этого времени имя его начинаетъ забываться, и прежнее громкое имя—«Алексинскій»—теряетъ свое значеніе. Поступивши въ приходъ, который былъ ему не по сердцу, покойный запирается въ свой кабинетъ. Тяжкій недугъ, этотъ источникъ горя и слезъ для его родныхъ и знакомыхъ, разстроилъ, можетъ быть, очень преждевременно (хотя ему и 68 л.), его удивительно крѣпкую, теперь уже не встрѣчающуюся и выносливую натуру. Страдалъ онъ дни и ночи, страдалъ годы. Случайно заходя въ его уединенный кабинетъ, не разъ мы видѣли тѣ горькія слезы, съ которыми онъ не являлся при другихъ. Да успокойте же Всевышній измученную, изстрадавшуюся душу твою въ иной жизни и да дастъ тебѣ въ селеніяхъ своихъ мѣсто упокоенія!

14-го іюля совершено было отпѣваніе и погребеніе о. протоіерея Алексинскаго на Пятницкомъ кладбищѣ. Литургія совершена была въ приходской Воскресенской церкви ближайшими его родственниками, а къ отпѣванію прибыли архимандритъ Григорій, ректоръ семинаріи, протоіерей Н. В. Благоразумовъ, первый—ученикъ, второй—сослуживецъ покойнаго по семинаріи, и другіе близко знавшіе его и желавшіе отдать послѣдній долгъ ему священнослужители Москвы. Чрезвычайно жаркая погода, въ слѣдствіе которой поспѣшили погребеніемъ, ваканционное время для учебныхъ заведеній, случайное обстоятельство, помѣшавшее своевременному извѣщенію въ вѣдомостяхъ о смерти почившаго, все это вмѣстѣ было причиною того, что желавшихъ почтить своимъ присутствіемъ погребеніе покойнаго собралось не такъ много, какъ можно было ожидать и предполагать. Жаль, особенно жаль было, что погребенія погибшаго не могли совершить ни преосвященный Амвросій, ни преосвященный Алексій, первый—потому, что имъ уже прежде дано было слово совершить въ этотъ день другое

погребеніе, — второй — по причинѣ своего отсутствія изъ Москвы для обозрѣнія епархіи. Грустно было и то, что по случайному также обстоятельству не было произнесено за литургіей столь обычное, и столь желанное въ данномъ случаѣ надгробное слово въ память и похвалу почившаго. Но къ общему утѣшенію какъ отсутствіе желаемыхъ особъ, такъ и вообще сравнительно не довольно многочисленное собраніе почитателей покойнаго, какъ бы возмѣщались выраженіемъ искреннаго и глубокаго сочувствія къ нему, равно какъ усердною и горячею молитвою присутствовавшихъ родныхъ, знакомыхъ и прихожанъ. Еще къ большому утѣшенію недостатокъ надгробнаго слова за литургіей сугубо вознагражденъ былъ, благодаря многоуважаемому о. ректору семинаріи и преподавателю оной Ивану Егоровичу Любимову, произнесенными ими за погребеніемъ у гроба почившаго рѣчами. Теплымъ, сочувственнымъ словомъ они изобразили заслуги и достоинства почившаго, какъ преподавателя и педагога и въ особенности какъ отличнаго учителя церковнаго краснорѣчія.

«Достопочтенный отецъ протоіерей», такъ началъ свою рѣчь о. ректоръ семинаріи, «многолюбезный вѣкогда сослуживецъ нашъ!»

«Какъ представитель Московской семинаріи, позволяю себѣ сказать нѣсколько словъ предъ твоимъ гробомъ.»

Довольно давно уже ты оставилъ службу при нашей семинаріи; но преданіе о тебѣ, — преданіе самое доброе и почетное, жаветь въ ней до сихъ поръ. И не даромъ ты отдалъ Московской семинаріи почти 30 лѣтъ, притомъ самыхъ лучшихъ лѣтъ своей жизни. Недаромъ же ты и самъ любилъ переноситься въ этотъ продолжительный и обильный плодами періодъ своей педагогической дѣятельности, и вспоминать различныя обстоятельства изъ жизни прежней, дореформенной, духовной школы, здѣсь — въ Москвѣ проходившей путь свой подъ рукою мудро-строгаго и строго-мудраго святителя Филарета.

«Въ разное время тебѣ доводилось преподавать различныя предметы семинарскаго курса, и на всякой кафедрѣ ты являлся однимъ изъ лучшихъ преподавателей класса. Но особенно плодотворно было и доселѣ памятно въ семинаріи преподаваніе тобою науки объ инославныхъ вѣроисповѣданіяхъ и въ связи съ ними ученія о русскомъ расколѣ старообрядчества, и затѣмъ еще болѣе науки о церковномъ проповѣдничествѣ. Первый предметъ интереснѣйшій и самъ по себѣ, за то и труднѣйшій до настоящаго времени, — понятно, — вслѣдствіе неустойчивости и непрестаннаго, такъ сказать, передвиженія инославныхъ ученій, которыя, оторвавшись отъ незыблемой почвы вселенскаго православія, колеблются, сталкиваются другъ съ другомъ и порою даже какъ бы мѣняются взаимно своими мѣстами, подобно вѣтвямъ дерева, оторвавшимся отъ своего ствола и разносимымъ по всѣмъ сторонамъ вѣтромъ; со вторымъ, какъ и всегда, соединялось *практическое* руководство юныхъ богослововъ въ дѣлѣ церковнаго проповѣдничества. Между служащими въ Московской семинаріи и теперь есть нѣсколько человѣкъ изъ бывшихъ твоихъ учениковъ, и вотъ они, — конечно одинаково съ разбѣянными повсюду, многочисленными твоими учениками, — съ чувствомъ истиннаго удовольствія и глубокой благодарности тебѣ вспоминаютъ и передаютъ другимъ, какъ ты дѣйствовала тогда среди нихъ и на нихъ, являясь и самъ искуснымъ проповѣдникомъ въ церкви, и вмѣстѣ остроумнымъ, будящимъ и юно-

шескіе умы къ благородному соревнованію, цѣнителемъ ихъ опытовъ въ классѣ, и вообще примѣрнымъ руководителемъ ихъ въ дѣлѣ церковнаго проповѣдничества. И при теперешнихъ условіяхъ распредѣленія классовъ въ семинаріи, преподаванія учебныхъ предметовъ воспитанникамъ и въ частности — веденія дѣла ихъ письменныхъ упражненій, преобладающее вліяніе на нихъ остается за наставниками словесныхъ и философскихъ наукъ и, наконецъ, опять таки гомилетическаго или проповѣдническаго Богословія: дѣтъ въ несравненно большей степени, такъ должно было быть и такъ дѣйствительно было, при прежней семинарской системѣ, когда такими *характерными* чертами выдавались и отличались между собою классы риторики, философіи и собственно Богословія. Съ постепеннымъ саморазвитіемъ учениковъ и переходомъ ихъ изъ классовъ въ классъ, становилось все замѣтнѣе для нихъ и чувствовалось все сильнѣе ими вліяніе почетныхъ преподавателей названныхъ мною предметовъ, и высокое уваженіе, глубокая, всегдашняя признательность первыхъ, въ послѣднимъ была для этихъ труженниковъ пріятнѣйшею, ни съ чѣмъ несравнимою и ничѣмъ не замѣнимою наградою!»

«Съ преобразованиемъ Московской семинаріи по новому уставу, ты получилъ на свою долю группу предметовъ, которые преподавалъ и прежде, почетъ былъ со стороны семинарскаго корпораціи избраніемъ въ члены педагогическаго собранія и, дѣйствительно, оставался добрымъ совѣтникомъ и сотрудникомъ въ новомъ дѣлѣ *коллеціального* управленія семинаріею. Но, съ исполненіемъ 30 лѣтняго срока, скоро долженъ былъ совсѣмъ оставить службу при семинаріи.»

Но, и послѣ того, ты не забывалъ нашей семинаріи; напротивъ, до конца жизни своей продолжалъ относиться къ ней съ живымъ сочувствіемъ и полнымъ доброжелательностью, посѣщая нерѣдко наши публичныя собранія, радуясь успѣхамъ молодежи въ наукахъ и искусствахъ, раздѣляя съ нами скорбь о потерѣ болѣе даровитыхъ и дѣятельныхъ преподавателей и т. п. Какъ по отношенію ко всему другому, такъ — въ частности — и по отношенію къ духовной школѣ чаще всего приходится встрѣчаться съ такого рода явленіемъ: между тѣмъ какъ одни, превознося все новое, ничего почти не хотятъ видѣть добраго въ прежнемъ и старомъ, другіе, наоборотъ, превознося это прѣжнее и старое, съ какою то безотчетною ненавистью и презрѣніемъ отзываются о новомъ и современномъ, и готовы, пожалуй, утверждать, что послѣ нихъ въ извѣстномъ учрежденіи все перевернулось вверхъ дномъ, и ему едва не грозитъ близкое паденіе. Ты одинаково былъ чуждъ обѣихъ этихъ односторонностей по отношенію къ духовной школѣ, судилъ о положеніи и направленіи ея всегда въ высшей степени сдержанно и уважительно, потому что, — вѣковѣчная истина, — въ дѣлахъ человеческихъ нѣтъ и не можетъ быть полнаго совершенства, и всякое созданіе — уставъ или система, по времени, непременно обнаруживаетъ разнаго рода недостатки, нуждается въ тѣхъ или другихъ исправленіяхъ и пополненіяхъ.

Достопочтенный и многолюбезный Евонимъ Михайловичъ! Ты былъ *первымъ* священникомъ нашей семинарскаго церкви, поставленнымъ вслѣдъ за освященіемъ церкви и открытіемъ самой семинаріи на настоящемъ мѣстѣ и въ настоящемъ домѣ ея. Вѣрь же, что для твоего какъ въ памятникъ церковномъ, такъ и вообще въ лѣтописяхъ московской семинаріи сохранится наряду съ самыми почетными и дорогими для нея именами, и пребудетъ незабвеннымъ на всегда!»

«Когда совершивъ поприще земной жизни, говорилъ Иванъ Егоровичъ Любимовъ, человекъ опочить отъ земныхъ дѣлъ своихъ, церковь возлагаетъ на чело его молитвенный вѣнецъ въ знаменіе того, что онъ скончалъ теченіе и уже стоитъ въ преддверіи вожделѣннаго совершенства бытія. Вслѣдъ за церковною любовью присныхъ и признательность одолженныхъ несутъ свои вѣнчи на гробъ и могилу почившаго, выражая тѣмъ, по смерти человека, свое величїе и признаніе».

«М. Д. Семинарія, которой посвящены были почти все годы тридцатилѣтняго духовнаго учебнаго служенія въ Вознесенскаго и которой онъ никогда былъ помѣстивъ украшеніемъ, сочла своимъ долгомъ открыто при гробѣ покойнаго засвидѣтельствовать свои чувства глубокой благодарности и высокаго уваженія къ умершему».

«Ученики и сослуживцы приснопамятнаго о. протоіерея Евонімія Михайловича — а ихъ много поглубоководительныхъ курсовъ и нѣсколько смѣнь — живые свидѣтели и доблестей покойнаго, и сейчасъ нами выраженныхъ чувствъ къ нему».

«И имѣлъ счастье быть и ученикомъ Евон. Мих. въ пору гармонированія въ немъ силъ нравственныхъ и физическихъ и впоследствии его сослуживцемъ. Евон. Мих. мы все и всегда любили и уважали; знаю очень многихъ, благодарныхъ ему, не помню никого, недовольнаго имъ. Какъ профессоръ различныхъ отраслей Богословія, Евон. Мих. имѣлъ рѣдкій даръ совмѣщать простоту изложенія съ силою слова учительнаго; мы, учившіеся у него, въ сладость его послушали и въ немногіе сравнительно часы, удѣляемые намъ профессоромъ, успѣвали узнать многое. Высоко стояла наука въ семинаріи при Евон. Мих. и мы приучались смотреть на нее съ подобающимъ уваженіемъ. Простой въ обращеніи, обходительный совѣдникъ въ частномъ быту, Евон. Мих. былъ высокъ на своей каедрѣ, и мы, помнится, не безъ нѣкотораго трепета, приближались къ ней... Обширная начитанность и опыты жизни при несомнѣнной любви къ дѣлу энергичнаго профессора производили то, что отвлеченное и нѣсколько сухое преподаваніе, какимъ оно иногда бываетъ, у Евон. Мих. было живымъ и дѣйственнымъ ученіемъ. Если не измѣняетъ память, преподаваніе гомилетики было особенно близко духу почившаго и болѣе приносило оцутительной пользы его слушателямъ. Зато въ тѣ времена, къ которымъ относятся наши воспоминанія о почившемъ, не въ одномъ семинарскомъ храмѣ слышалось проповѣдное слово учениковъ богословія, но одновременно, въ нѣсколькихъ московскихъ храмахъ, не исключая и того, въ которомъ былъ настоятелемъ почившій».

«Возлюбленнѣйшій приснопамятный учитель и сослуживецъ!

Прими отъ насъ, при послѣднемъ тебѣ цѣлованіи, слабо выраженную дань признательности — этотъ вѣнокъ, посвященный твоей памяти. (При семъ вѣнокъ положенъ былъ на гробъ къ ногамъ почившаго). Повѣрь нашей искренности, что въ сердцахъ твоихъ учениковъ и сослуживцевъ ты вселилъ чувства величїе и признательности, которыя да сольются при твоёмъ гробѣ въ молитвенное чувство и перейдутъ въ церковное пожеланіе тебѣ, вѣчнаго покоя въ обители праведныхъ и вѣчной памяти въ церкви. Прочее убо да соблюдается тебѣ нетлѣнный вѣнецъ правды, его же воздастъ тебѣ въ день Оупъ Праведный Судія и мздовоздаватель Господь нашъ Іисусъ Христосъ. Которому ты усердно послужилъ на землѣ, въ лицѣ ближнихъ твоихъ».

Такъ непышно и такъ просто, но съ такимъ искреннимъ расположеніемъ и уваженіемъ къ Почившему, совершилось погребеніе приснопамятнаго Евонімія Михайловича. Произнесенныя у гроба его рѣчи, воздали должную дань хвалы и признательности его дарамъ и заслугамъ его разуму, его образованію и искусству такъ блистательно обнаруженнымъ имъ на поприщѣ учебной дѣятельности. Дѣйствительно, онъ былъ по выраженію достопочтеннѣйшаго Ивана Егоровича, украшеніемъ Московской семинаріи, и по долгу заслуженнымъ авторитетомъ и вліятельнѣйшимъ наставникомъ не только конаспиританниковъ, но и надсослуживцевъ и самое начальство».

«Къ этому некрологу покойнаго о. Алексиса, присоединяемъ присланное намъ воспоминаніе о немъ бывшаго его сослуживца по семинаріи о. Симы, пишетъ онъ, съ своей стороны считаю пріятнымъ долгомъ присоединить нѣсколько словъ и воспоминаній о немъ какъ о священнослужителѣ, человекѣ вообще и христианинѣ. Съ опытностію и искусствомъ преподавателя науки въ церковной проповѣди Евонімія Михайловича соединялъ практическій даръ проповѣдника. Его проповѣди, сколько мы запомнимъ, всегда отличались простотою, назидательностію, примѣрностію къ состоянію слушателей и, можно сказать, художественностію выраженія. При воспоминаніи о проповѣдническомъ дарѣ покойнаго намъ невольно приходится на память отзывъ синодальнаго цензора и магистера каго-то его сочиненія мастерски написанаго, который по нашему мнѣнію, справедливо можно приложить и къ его поученіямъ. Это теплое, благодѣтельное и мастерское слово не могло не производить благотворныхъ дѣйствій на слушателей. Такъ мы различно слышали разсказъ о чудномъ дѣйствіи одной его проповѣди, произнесенной имъ въ послѣднюю войну въ приходской Воскресенской церкви. Въ бытность свою священникомъ при Ремесленной богадельнѣ Евонімія Михайловича не имѣлъ помощника и неопытно совершалъ ежедневныя церковныя службы и исправлялъ такъ трудныя и частыя въ многолюдномъ домѣ призрѣваемыхъ старцевъ и старихъ требы, каковы напримѣръ соборованіе, исповѣди и приобщеніе. Усерднымъ исполненіемъ священническаго долга и ласковымъ обращеніемъ имъ заслужилъ любовь призрѣваемыхъ и оставилъ въ нихъ благодарныя о немъ воспоминанія добротой сердца, обительностію и доступностію для всѣхъ и каждого, и всего болѣе своимъ рѣдкимъ даромъ. И наилучшаго отца духовнаго, Евонімія Михайловича списавъ наконецъ общее расположеніе и сочувствіе приходжанъ и Воскресенской церкви, при всемъ томъ, что поступилъ въ этотъ приходъ при неблагоприятныхъ сложившихся для него обстоятельствахъ, уже въ упадкѣ силъ и здоровья. Кто не знаетъ, какимъ добрымъ семьяниномъ и нѣжнымъ отцемъ, какимъ радушнымъ и гостеприимнымъ хозяиномъ дома, какимъ пріятнымъ и умнымъ собесѣдникомъ былъ пожившій для всѣхъ знакомыхъ, друзей и родственниковъ? Евонімія Михайловича былъ глубоко вѣрующимъ и строго православнымъ христианиномъ. Лишившись умной и любящей супруги еще въ мужескія лѣта и оставшись съ многочисленнымъ, почти на половину малолѣтнимъ семействомъ, Евонімія Михайловичъ принялъ этотъ крестъ, посланный ему провидѣніемъ съ совершенною преданностію въ волю Божию, и съ рѣдкимъ благодушіемъ несъ его до послѣднихъ лѣтъ и дней своей жизни. Миръ и вѣчный покой душѣ твоей возлюбленный и приснопамятный Евонімія Михайловичъ!»